

УДК 86.38

О ЗАПРЕТЕ ВИНОПИТИЯ В ИСЛАМЕ

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ispivaq@rambler.ru*

Запрет на употребление алкоголя, введенный в мусульманской общине после хиджры, стал своеобразным маркером, обозначившим ритуальную дистанцию между исламом и представителями других религиозных общин. В мировой историографии высказывались различные точки зрения на причины введения этого запрета. В статье предпринята попытка их анализа, сделан вывод о том, что в качестве объекта запрета для членов мусульманской общины выступило не столько виноградное вино, сколько само состояние опьянения. Запрет на винопитие в тексте Корана связывается не с ритуальным размежеванием между представителями авраамических религиозных традиций, но между мусульманами и арабами-язычниками. Вероятно, к IX в. актуальность ритуального дистанцирования мусульман от аравийских язычников была исчерпана. К этому времени на первое место для интеллектуальной элиты мусульманской общины вышла задача доказательства превосходства ислама над христианством и иудаизмом. В окончательной редакции «Жизнеописания пророка» Ибн Хишама запрет на употребления алкоголя для мусульман представлен как выбор верного пути, сделанный Мухаммадом, подчеркивающий превосходство ислама над общинами христиан и иудеев.

Ключевые слова: вино, запрет, ислам, иудаизм, Коран, Мухаммад, опьянение, предание, христианство.

Подводя итог религиозной деятельности Мухаммада, Иоанн Дамаскин заключает: «Он постановил делать обрезание как мужчинам, так и женщинам, и приказал не соблюдать суббот и не креститься, одно из дозволенного в законе есть, а от другого воздерживаться; винопитие же совершенно запретил» [1, с. 22]. Очевидно, что основной посыл здесь – обратить внимание читателя на ритуальную специфику ислама, отличающую его, прежде всего, от христианства и иудаизма. Присутствие запрета на употребление вина в этом ряду не случайно. Действительно, данный запрет, на наш взгляд, сыграл одну из ключевых ролей в процессе религиозной самоидентификации мусульманской общины. Следует подчеркнуть, что именно под этим углом зрения он рассматривался и некоторыми авторами, принадлежащими к мусульманской традиции. Среди них важное место занимает живший почти на столетие позднее Иоанна Дамаскина Абд ал-Малик б. Хишам ал-Химйари (ум. в 833 г.) [2, с. 11]. В ставшем каноническим тексте «ас-Сира ан-набавиййа» (Жизнеописание пророка) отказ от практики употребления вина напрямую связывается с процессом религиозной самоидентификации уммы и получает мистическую трактовку. Сообщение об этом событии со ссылкой на Ибн Исхака помещается Ибн Хишамом в контекст рассказа о Ночном путешествии и вознесении пророка и связывается с молитвой Мухаммада в Иерусалиме. «Наблюдал он знамения между небом и землей, пока не доехал до Священного дома. Он нашел там Ибрахима, Мусу, Ису в числе группы пророков, которые были

собраны для него. Он помолился вместе с ними и возглавил молитву. Потом ему принесли три сосуда: сосуд с молоком, сосуд с вином и сосуд с водой. Пророк сказал: «Я слышал, как кто-то говорил, когда все это было мне предложено: «Если возьмет воду, то он утонет и утонет его народ; если возьмет вино, то собьется с пути и собьется с пути его народ; если возьмет молоко, то пойдет по правильному пути и его народ пойдет по правильному пути». Я взял молоко и отпил немного. Джабраиль мне сказал: «Ты встал на правильный путь, и твой народ встал на правильный путь, о Мухаммад!»» [3, с. 122–123]. Очевидно, та деталь, что выбор Мухаммада совершается в присутствии Мусы и Исы, должна, по мнению автора, лишний раз подчеркнуть как дистанцирование ислама от иудаизма и христианства в вопросе употребления вина, так и его превосходство над ними.

В свете сказанного нельзя не обратить внимание на то, что запрет на винопитие в тексте Корана связывается не с ритуальным размежеванием между представителями авраамических религиозных традиций, но между мусульманами и арабами-язычниками. «О вы, которые уверовали! Вино, майсир, жертвенники, стрелы – мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь же этого, – может быть, вы окажитесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы» (V, 92 (90) – 93 (91)) [4]. Как справедливо, на наш взгляд, отметил У. М. Уотт, важно то, что вино в данных айатах упоминается в одном ряду с майсиром (азартной игры на доли туши верблюда), жертвенниками и гадательными стрелами – языческими реалиями жизни доисламских арабов, что не оставляет сомнений в составе аудитории, к которой адресовано это кораническое послание [5, с. 326]. Исходя из примата коранического текста над сообщениями мусульманского предания жанра сира, следует признать, что запрет на винопитие, использованный первоначально как маркер религиозной идентичности мусульманской общины по отношению к арабам-язычникам, позднее в этом же качестве был распространен на отношения с общинами людей писания.

Вопрос о причинах и обстоятельствах введения этого запрета неоднократно становился предметом изучения мирового и отечественного востоковедения. В целом следует отметить, что высказанные в этой связи точки зрения условно могут быть сгруппированы в два разряда: к первому принадлежат те, в которых делается акцент на рациональных причинах введения запрета на употребление вина, ко второму – те, при помощи которых исследователи пытаются объяснить «социально-этический» и религиозный смысл запрета. Так, например, в своей знаменитой «Истории ислама» А. Мюллер писал, что главным мотивом «воспрещения употреблять вино» стало то, что оно, как и азартные игры, способно было вызывать раздоры среди мусульман и приводить к небрежению молитвой. Следовательно, запрет на винопитие – мера исключительно дисциплинарного характера [6, с. 192]. В этом же ключе рассматривает проблему и О. Г. Большаков, хронологически относя введение окончательного запрета на употребление вина к событиям осады мусульманами поселения Бану Надир. «Длительность лагерного стояния, томительного для людей, привыкших к коротким схваткам, приводила к ослаблению дисциплины, вином стали злоупотреблять даже

ближайшие сподвижники Мухаммада. Поэтому на шестой день осады последовало запрещение вина и майсира» [7, с. 120]. С другой стороны, неоднократно высказывались мнения о том, что введение запрета на употребление вина связано с идеализацией кочевого образа жизни: «запрещение пить вино может быть понято как элемент социально-этической проповеди Мухаммада, восходящей (независимо от того, осознавал это Мухаммад или нет) к древним, общим для всего Ближнего Востока представлениям, идеализирующим кочевую жизнь» [8, с. 37]. Кочевой образ жизни при этом рассматривается как наиболее угодный божеству. На этом аспекте акцентируется внимание и в соответствующей статье «Encyclopaedia of Islam» [9, р. 994–997]. Как уже отмечалось, У. М. Уотт считает, что при изучении причин появления запрета винопития в мусульманской общине следует сконцентрироваться на выявлении «неизвестной нам» связи между употреблением вина и аравийской языческой религией [5, с. 326].

В отечественной историографии пути решения данной проблемы были намечены в уже упомянутой небольшой по объему статье И. Ш. Шифмана «О некоторых установлениях раннего ислама». В целом они могут быть сведены к следующему: «винопитийство» рассматривается в коранической проповеди как деяние греховное; хронологическим маркером в изменении отношения к вину следует считать хиджру; вино запрещено только в земной жизни, ибо в кораническом тексте содержатся многочисленные обещания возможности верующим пить вино после смерти, в «ином мире»; запретным является только вино, а не другие опьяняющие напитки, например, сикера; запрещая употребление вина, Мухаммад выступал против тех, кто нарушил древние (богоугодные) правила, связанные с кочевым образом жизни [8, с. 36–43]. Привлечение к изучению данного вопроса наряду с текстами коранических откровений материалов мусульманского предания позволяет, как нам кажется, внести ряд корректировок в приведенные положения. Действительно, текст Корана содержит описание вина, которое пьют праведники в раю: «Образ сада, который обещан богобоязненным: там – реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, и реки из меду очищенного» (XLVII, 16 (15) – 17). «Поистине, ведь праведники в благоденствии на ложах созерцают! Ты узнаешь в лицах их блеск благоденствия. Поят их вином запечатанным. Завершение его – мускус. И к этому пусть стремятся стремящиеся. Смесь его из таснима – источника, из которого пьют приближенные» (LXXXIII, 22–28) [4]. В приведенных отрывках обращают на себя внимание детали, при помощи которых подчеркиваются особые, отличающее его от обычного, свойства райского вина. Не случайно в первом случае вино, «приятное для пьющих», находится в одном ряду с «не портящейся водой», «не меняющим вкус» (не прокисающим?) молоком, «очищенным медом». Данные детали, на наш взгляд, заставляют сделать вывод, что в ином мире, по кораническим представлениям, все перечисленные напитки меняют свои физические характеристики. На вопрос – чем же собственно райское вино отличается от обычного, земного? – ответ, как кажется, дан в суре XXXVII: «И будет вам воздано только за то, что вы совершали. Кроме рабов божиих чистых. Для тех – опре-

деленный надел – плоды, и они будут в почете в садах благоденствия, на ложах друг против друга. Будут обходить их с чашей из источника прозрачного, услады для пьющих. Нет в нем буйства, и не будут они им изнурены» (XXXVII, 38 (39) – 46 (47)) [4].

Выдающийся отечественный арабист, автор самого известного отечественного перевода Корана – И. Ю. Крачковский – считал возможным в данном случае перевести кораническое *غَوْل* как «буйство» [10, с. 598]. Действительно, одно из значений *غَوْل* (غول): «нападать неожиданно, врасплох; губить, убивать» [11, с. 574]. Примечательно, что в мусульманской традиции последние слова интерпретируются как «вино, которое не опьяняет». Например, в переводе Э. Р. Кулиева соответствующий аят принимает следующий вид: «Их будут обходить с чашей родникового напитка (вина), белого, доставляющего удовольствие пьющим. Он не лишает рассудка и не пьянит» (XXXVII, 45–46) [12]. С аналогичным смыслом передан этот текст в переводе Г. С. Саблукова: «Их, награжденных садами утех, восседающих там друг против друга на седалищах, будут обносить круговой чашей, с влагою, прозрачной, – сладостью для пьющих, от которой не будет головной боли, от которой не опьянеют» (XXXVII, 45–46) [13]. Таким образом, главная отличительная особенность райского вина заключается в том, что оно не приносит опьянения, следовательно, не вино само по себе, а чувство опьянения оказалось объектом запрета для членов мусульманской общины..

Последнее заставляет усомниться в том, что Коран запрещает только вино, оставляя свободу в отношении других опьяняющих напитков. Главным аргументом для сторонников такой точки зрения служит один из аятов XVI суры: «И из плодов пальм и лоз вы берете себе напиток пьянящий и хороший удел. Поистине, в этом – знамение для людей разумных» (XVI, 69 (67)) [4]. При его анализе необходимо учитывать то обстоятельство, что запрет на употребление вина, а по нашему убеждению и других опьяняющих напитков, вводился постепенно. Мусульманская традиция выделяет четыре этапа его введения – в соответствии с четырьмя группами аятов о вине в тексте Корана. К первой группе относится приведенное нами упоминание о вине в суре XVI. Во вторую группу объединяют аяты II суры: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: «В них обоих великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше пользы»» (II, 216 (219)) [4]. Затем следует запрет для верующих приступать к молитве в состоянии опьянения (IV, 46 (43)). Наконец, аяты V суры, полностью запрещающие употребление вина (V, 92 (90) – 93 (91)) [14, 1028–1029]. Согласно наиболее распространенной точке зрения, упоминание «пьянящего напитка из плодов пальм и лоз» относится к мекканскому периоду [10, с. 566]. В этой связи важно подчеркнуть, что после совершения хиджры и появления аятов, осуждающих употребление вина, в тексте Корана больше не упоминаются иные опьяняющие напитки с положительной коннотацией. Более того, мусульманское предание настаивает на том, что вместе с запрещением виноградного вина был запрещен любой опьяняющий напиток. Показателен в этом отношении один из хадисов, приведенный в «Сахихе» Муслима: «Передают, что Анас ибн Малик сказал: Однажды, когда я прислуживал Абу Тальхе, Абу Дуджане, Муазу ибн Джабалу и еще нескольким ансарам, наливая

им вино, к ним зашел какой-то человек и сказал: «Есть новости: Аллах ниспослал айаты, в которых говорится о запретности вина». И в этот день мы опрокинули все сосуды с вином, которое делалось из смешанных незрелых и сушеных фиников. Катада сказал: «Когда вино было запрещено, все вино, которое у них было, делалось из смешанных незрелых и сушеных фиников» (1280) [15, с. 646–647]. Согласно тексту другого хадиса, Умар б. ал-Хаттаб разъяснял во время одной из проповедей: «А затем, поистине, запрет на употребления вина был ниспослан в тот день, когда его делали из пяти вещей: из пшеницы, ячменя, фиников, изюма и меда, вином же является то, что охватывает разум» (1281) [15, с. 647]. Сказанное, на наш взгляд, опровергает вывод о том, что запрету в кораническом тексте подверглось только виноградное вино. Объектом запрета явилось состояние опьянения, а его сфера распространилась на любой опьяняющий напиток. Сделанный вывод противоречит рассуждению о том, что в основе коранического запрета лежит стремление Мухаммада вернуться «к древним, общим для всего Ближнего Востока представлениям, идеализирующим кочевую жизнь» [8, с. 37].

Учитывая сообщения мусульманского предания, гораздо убедительнее выглядит мысль о рациональных основах введения запрета на употребление вина и опьяняющих напитков в Коране. Действительно, как минимум двум последним группам коранических айатов, осуждающих винопитие, согласно данным литературы хадисов, соответствует тот или иной реальный исторический эпизод, способствовавший их появлению [7, с. 249]. Так, например, появление айатов, запрещающих приступать к молитве в нетрезвом состоянии: «О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите...» (IV, 46 (43)) [4], было ответом на эпизод, связанный с пьяным имамом, который во время произнесения слов «О неверные! Я не буду поклоняться тому, чему поклоняетесь вы», из-за своего состояния, опустил частицу отрицания [14, с. 1029]. Наиболее поразительную историю о событии, которое, согласно литературе хадисов, и привело к введению окончательного запрета на употребление вина, передает Муслим. Согласно его сообщению, во время раздела добычи после сражения у Бадра Али б. Абу Талибу досталась годовалая верблюдица, кроме того, в тот же день Мухаммад дал ему еще одну верблюдицу из пятой части добычи. Али б. Абу Талиб, поскольку дело было накануне его женитьбы на Фатиме, собирался привезти душистый тростник, желая продать его, чтобы на полученные деньги устроить свадебное угощение. Пока он собирал все необходимое, верблюдицы стояли у одного из домов ансаров. Когда же Али б. Абу Талиб отправился к верблюдицам, его взору открылось страшное зрелище – у верблюдиц оказались срублены горбы, вспороты бока, а печень у каждой была вырезана. Свидетели единодушно указали на Хамзу б. Абд-ал-Мутталиба (дядю пророка) как на виновника происшествия, который пил вино вместе с группой ансаров. Якобы певица, присутствующая среди пьющих, спела песню, в которой были слова: «О Хамза, тучны годовалые верблюдицы». После чего Хамза б. Абд-ал-Мутталиб и набросился на верблюдиц Али б. Абу Талиба. Выслушав это, Али б. Абу Талиб отправился к пророку Мухаммаду. Пророк вместе с потерпевшим пришел к дому,

в котором находился Хамза б. Абд-аль-Мутталиб. «Увидев, что внутри собралась группа людей, которые пьют вино, посланник Аллаха принялся порицать Хамзу за то, что тот сделал. Что же касается Хамзы, то он посмотрел на посланника Аллаха покрасневшими глазами, потом поднял глаза и посмотрел на его колени, потом поднял глаза и посмотрел на его пупок, потом поднял глаза и посмотрел на его лицо. Потом Хамза сказал: «Разве не являетесь вы только рабами моего отца?» Тогда посланник Аллаха понял, что Хамза пьян, стал пятиться назад, вышел из дома, и мы вышли вместе с ним» (1275) [15, с. 645]. Приведенные сообщения свидетельствуют о том, что употребление вина мухаджирами и ансарами создавало угрозу внутреннему миру в общине и как следствие – боеспособности уммы. Последнее, вероятно, является причиной того, что осуждение употребления алкоголя и запрет на него появляется после хиджры, в мединский период, когда мусульмане оказались в условиях войны. В пользу серьезности этой угрозы говорят многочисленные предписания, связанные с запретом винопития, возводимые традицией непосредственно к пророку Мухаммаду. Так, согласно ал-Бухари, Мухаммад утверждал, что пьющий вино не является верующим: «Передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что пророк сказал: «Когда прелюбодей прелюбодействует, верующим он не является, и когда кто-нибудь пьет вино, верующим он не является, и когда вор совершает кражу, верующим он не является»» (1841 (5575)) [16, с. 747]. Последовательность Мухаммада в вопросе об отрицании алкоголя выразилась в запрете всех, даже неизвестных ему, опьяняющих напитков. Муслим приводит следующий хадис, со ссылкой на Джабира: «... один человек, приехавший из Джайшана, задал посланнику Аллаха вопрос о напитке, приготовляемом из индийского проса и именуемом «мизр», который они пили у себя на родине. Пророк спросил: «Опьяняет ли этот напиток?» Тот сказал: «Да», и тогда посланник Аллаха сказал: «Все опьяняющее запретно»» (1276) [15, с. 645]. Подобным же образом было запрещено использование вина для приготовления уксуса (1290) [15, с. 650].

Говоря о причинах введения запрета на винопитие и употребления алкоголя в исламе, важно отметить, что разделение этих причин на «рациональные» и имеющие мистический или религиозно-этический характер актуально только для западного востоковедения. С точки зрения носителей исламского мировоззрения запрет на алкоголь ниспослан путем откровения и является точной трансляцией Мухаммадом слов Аллаха. Сам этот факт неизбежно предполагает наличие в ниспосланном запрете как рациональных (полезных для человека), так и сверхъестественных оснований. Вероятно, последним должны объясняться в тексте Корана и хадисов упоминания о пьяницах и винопитии в различных мифологических контекстах. К таким упоминаниям следует отнести, прежде всего, коранические айаты о вине в раю (XXXVII, 38 (39) – 46 (47); XLVII, 16 (15) – 17; LXXXIII, 22–28) [4]. Дальнейшее оформление этой темы происходило в рамках формирования мусульманского предания. Среди наиболее известных деталей которого можно выделить, например, мучения нераскаившихся пьяниц во время Судного дня: «... лицо его будет черным, язык будет висеть изо рта, слюна стекать на его грудь. От жажды поднимется вопль из его груди»

[17, с. 139–140]. Сюда же относится упоминание того напитка, который обещан пьяницам Аллахом: «Поистине, Аллах пообещал поить человека, употребляющего опьяняющие напитки, тем, что именуется «тынат аль-хабаль». Люди стали спрашивать: «О посланник Аллаха, а что такое «тынат аль-хабаль»?» – и он сказал: «Это – пот тех, кто окажется в Огне»» (1276) [15, с. 645].

Очевидно, что после отказа членов мусульманской общины от употребления алкоголя ритуальное дистанцирование их от язычников, общин иудеев и христиан должно было заметно усилиться. Что касается последних, то вино, как известно, использовалось ими не только в качестве опьяняющего напитка, но и в ритуальных целях. Наиболее сложным в силу характера дошедших до нас источников является вопрос о ритуальном использовании вина аравийскими язычниками. Так, например, Хишам б. Мухаммад ал-Калби в своей знаменитой «Китаб ал-аснам» (Книге об идолах), упоминая жертвы идолам мукой и молоком, закалывание перед ними животных, сбрасывание волос, использование гадательных стрел, хранит молчание о жертвенных возлияниях или иных ритуальных практиках, связанных с использованием вина [18, с. 14–38]. Описывая доисламские верования арабов, аш-Шахрастани говорит, что от употребления вина в эпоху джахилии отказывались те, кто исповедовал веру ханифов. «Среди них – Амир б. аз-Зариб ал-Адвани... Амир объявил запретным для себя вино среди тех, кто считал его запретным. Он сказал о нем: Если я пью вино, то пью его за его приятность, а если оставляю его, то, воистину, я питаю отвращение, ненавижу. Если бы не приятность и не играющие и поющие невольницы, я не видел бы его, а оно не видело бы меня, иначе как на расстоянии, свысока, – просящее у юноши то, чего нет у него в руках, уносящее рассудок людей и богатство. Оно дает в наследство людям ненависть без гнева, порочит юношу мужественного, нарядного...» (242–243) [19, с. 67]. Еще более выразительные стихи об отказе от употребления вина оставил другой поэт – Ал-Услум ал-Йали: «Я перестал пить вино, а оно – предпочитаемо, и оставил распутниц, отказ от него – самое благородное. Я воздержался от этого, о Умайм, стремясь к благородству. Так поступает рассудительный, воздержанный» (243) [19, с. 68]. В приведенных отрывках обращает на себя внимание несколько деталей. Во-первых, присутствие во время винопития «играющих и поющих невольниц», «распутниц». Упоминание в хадисе о певице, «вдохновившей» Хамзу на убийство верблюдиц, заставляет сделать вывод о том, что эта деталь являлась неотъемлемой чертой пирушек доисламской эпохи. Во-вторых, бросается в глаза, что в стихах поэтов эпохи джахилии осуждению подвергается не столько вино само по себе, сколько негативные последствия опьянения. Наиболее ярко эти последствия проявились в истории Кайса б. Асима – еще одного поэта, оставившего вино в доисламское время. «Однажды, напившись, он стал приставать к своей дочери (или сестре), та убежала от него, а когда на следующий день он протрезвел, то ничего не мог вспомнить. Тогда-то он и зарекся пить вино, выразив свое отношение к нему в стихах: Я нашел вино необузданным, в нем – свойства, которые позорят благородного мужа. Клянусь Аллахом, я в жизни не выпью его и никогда не приглашу на него сотрапезника! Я не отдам за него цену моей жизни и никогда не стану исцелять им

больного! Воистину, вино позорит пьющих его и возлагает на них тягостное дело!» [20, с. 68].

Приведенный рассказ удивительным образом находит аналогии в *Китаб ал-Харадж* (Книга налога) (VIII в.) Абу Йусуфа Йакуба б. Ибрахима ал-Куфи. В разделе, посвященном сбору налогов с маджусов, Абу Йусуф рассказывает о сомнениях мусульман относительно правомерности взимания с маджусов подушной подати. Проблема заключалась в том, что, по мнению некоторых мусульман, маджусы (зороастрийцы) не являлись обладателями «Окровенной книги» и, следовательно, не могли претендовать на статус людей писания. За разъяснением в этом вопросе мусульмане, по сообщению Абу Йусуфа, обратились к Али б. Аби Талибу, который рассказал следующее. «Мажусы были общиной, обладавшей Откровенной книгой, которую они и читали, но один из их царей однажды пил до опьянения, схватил за руку свою сестру, вывел ее за ограду селения, причем за ним последовало четыре человека, на глазах у которых он ее изнасиловал. Когда он протрезвел, сестра сказала ему: «Вот, что ты содеял, а такие-то четверо глядели на тебя». Он ответил: «Я ничего об этом не знаю». Она сказала: «Так ты будешь убит и нет тебе спасения, если не послушаешься меня». Он ответил: «Я послушаюсь тебя». Она сказала: «Возведи такое поведение в религиозную систему и скажи, что это вероучение Адама, что Ева произошла от Адама, и предложи народу принять это вероучение, пригрозив им мечом: кто последует за тобой, того оставь, а кто откажется, того убей» [21, с. 231]. В конечном итоге только под угрозой огня маджусы последовали за царем. Оставив в стороне проблему объяснения в арабо-мусульманской среде происхождения зороастрийского обычая кровнородственных браков, обратим внимание на то, что именно состояние опьянения, по мнению авторов предания, привело царя к совершению греха, а затем отвратило религиозную общину маджусов от «истинной веры», в результате чего они превратились в «многобожников». Приведенные примеры свидетельствуют в пользу того, что главное зло, которое несло в себе употребление алкоголя и которое было очевидно арабам уже в доисламское время, заключалось в том, что вино лишало разума, заставляло совершать поступки греховные с точки зрения нарождающейся религиозной этики. Отсюда становится понятным, почему вино, доступное праведникам в раю, в соответствии с кораническим текстом, должно быть лишено именно этого пагубного свойства. О том, что с точки зрения ислама греховным является не вино, но состояние опьянения, недвусмысленно свидетельствует следующая история, приведенная у Абу Йусуфа. «Рассказал нам аш-Шайбани со слов Хассана б. ал-Мухарика: «Какой-то человек, в то время как раз постившийся, сопровождал Умара б. ал-Хаттаба в пути; когда он разговелся, он набросился на принадлежавший Умару мех, привязанный к седлу, в котором было финиковое вино, выпил из него и опьянел; Умар наказал его ударами плетью, как того требует хадд. Тогда человек сказал Умару: «Ведь я пил из твоего меха». Умар ответил: «Я наказал тебя за то, что ты опьянел, а не за то, что ты пил» [21, с. 288]. Таким образом, «неизвестная нам», по выражению У. М. Уотт, связь вина с языческой религией [5, с. 326] заключалась, видимо, в том, что неременным спутником употребления алкоголя являлось, с од-

ной стороны, потеря контроля над собой, а с другой – достижение человеком того экстатического состояния, которое уместно в условиях господства язычества, но неприемлемо для этической религиозной системы.

Осмысление же ритуальной дистанции от представителей христианства и иудаизма членами мусульманской общины как следствие введения запрета на употребление алкоголя, надо думать, явление более позднее. Основой для него мог послужить тот факт, что аравийское виноделие, как и торговля вином, были тесно связаны с иудейскими общинами полуострова. Действительно, выращивание винограда и производство вина в доисламской Аравии надежно зафиксировано источниками. Так, например, Ибн Хишам сообщает, что после того, как провалилась попытка проповеди в Таифе, испытавшие сострадание к Мухаммаду, сыновья Рабии Утба и Шайба накормили его виноградом [3, с. 134], а во время осады Таифа пророк приказал вырубить виноградники сакифитов [3, с. 380]. Изучение источников, связанных с караванной торговлей в доисламское время, позволило придти к следующему выводу: «Наиболее вероятным источником происхождения «аравийского вина» нужно считать район ат-Таифа... виноградарство и продажа вина в ат-Таифе находились под контролем иудеев...» [22, с. 91]. Производство вина представителями еврейской общины г. Сана фиксируют источники даже в XIX в. [23, с. 104]. Отражение неприятия мусульманами христианских таинств для VIII–IX вв. зафиксировано, например, в «Опровержении сарацин епископа Феодора Харранского по имени Абу Курра, в пересказе Иоанна Диакона». Отвечая на вопрос мусульманина о возможности превращения обычного хлеба в «Тело Христово», Феодор Харранский вынужден прибегнуть к следующей аргументации: «Ибо священник возлагает на Святой Престол хлеб, равно как и вино, и Дух Святой, призванный молитвою, нисходит и посещает предложенные Дары; и огнем Своего Божества в Тело и Кровь Христовы превращает хлеб и вино, подобно тому как печень превращает пищу в человеческое тело. Или ты не допускаешь, друг, что Всесвятый Дух может совершить то же, что может твоя печень?» (XXII) [1, с. 42–43]. Еще более показательны «Историческое сказание Григория Декаполита», написанное, вероятно, в IX в., согласно тексту которого «племянник халифа Сирии» увидел воочию во время проскомидии, «будто священник взял в свои руки младенца и, зажав его, наполнял его кровью чашу, и тельце его разрезая на части, клал их на дискос!» [1, с. 79]. Следует признать, что в конечном счете в качестве одного из конфессиональных маркеров, обозначающих границу между исламом, христианством и иудаизмом, запрет на винопитие представителями мусульманской общины был осмыслен к моменту создания текста «ас-Сира ан-набавийя» Ибн Хишама [3, с. 122–123], где ритуально-бытовое отличие превращено в мистическое превосходство.

Основные вехи истории запрета на употребление алкоголя в мусульманской традиции могут быть представлены следующим образом. Осуждение винопития и вводимый в три этапа запрет на него были вызваны к жизни, прежде всего, причинами дисциплинарного характера. Объектом запрета стало не столько виноградное вино, сколько состояние опьянения, вследствие чего запрет был распространен на все

опьяняющие напитки. Адресатами соответствующих коранических аятов являлись члены уммы – мухаджиры и ансары. Параллельно шло мифологическое осмысление дарованного запрета. Отражением этого процесса являются содержащиеся в тексте Корана упоминания о райском вине, которое будет доступно праведным верующим после смерти. Главной характеристикой райского вина, отличающей его от вина обычного, является то, что вино иного мира не несет с собой опьянения. Дальнейшее осмысление запрета на алкоголь связано с формированием и развитием мусульманского предания, в рамках которого этот запрет приобретает дополнительную бытовую, юридическую и мифологическую детализацию. Безусловно, уже на начальном этапе функционирования запрета на употребление алкоголя эта особенность жизни мусульманской общины стала своеобразным маркером, обозначившим ритуальную дистанцию между мусульманами, с одной стороны, и аравийскими язычниками, иудеями, христианами – с другой. К IX в. актуальность ритуального обособления от аравийских язычников была исчерпана, зато усилилась потребность в доказательствах превосходства ислама над иудаизмом и христианством. В этих условиях запрет на употребление алкоголя, как это представлено, например, в тексте Ибн Хишам, стал играть роль одного из таких доказательств.

Список использованных источников и литературы

1. Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии) / Под ред. Ю. В. Максимова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 230 с.
Vizantijskie sochinenija ob islame (teksty perevodov i komentarii) / Pod red. Ju. V. Maksimova. – М. : izd-vo PSTGU, 2006. – 230 s.
2. Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама. Введение / М. Б. Пиотровский // Хрестоматия по исламу. – М. : Наука, 1994. – С. 9–11.
Piotrovskij M. B. Muhammad i nachalo islama. Vvedenie / M. B. Piotrovskij // Hrestomatija po islamu. – М. : Nauka, 1994. – S. 9–11.
3. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Пер. Н. А. Гайнуллина. – М. : ИД «УММА», 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie Proroka Muhammada / Per. N. A. Gajnullina. – М. : ID «UMMA», 2002. – 485 s.
4. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, – 1990. – 744 с.
Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – 744 s.
5. Уотт У. М. Мухаммад в Медине / Пер. с англ. – СПб. : изд-во «Диля», 2007. – 480 с.
Uott U. M. Muhammad v Medine / Per. s angl. – SPb. : izd-vo «Dilja», 2007. – 480 s.
6. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / А. Мюллер. – М. : Изд-во «Астрель»; Изд-во «АСТ», 2004. – 911 с.
Mjuller A. Istorija islama: ot doislamskoj istorii arabov do padenija dinastii Abbasidov / A. Mjuller. – М. : ООО izd-vo «Astrel'»; izd-vo «AST», 2004. – 911 s.
7. Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1 : Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М. : Наука, 1989. – 312 с.
Bol'shakov O. G. Istorija Halifata. T. 1 : Islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – М. : Nauka, 1989. – 312 s.
8. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама / И. Ш. Шифман // Ислам. Религия, общество, государство. – М. : Наука, 1984. – С. 36–43.
Shifman I. Sh. O nekotoryh ustanovlenijah rannego islama / I. Sh. Shiman // Islam. Religija, obshhestvo, gosudarstvo. – М. : Nauka, 1984. – S. 36–43.

9. Wensinck A. J. *Khamr* / A. J. Wensinck // *The Encyclopaedia of Islam*. – V. 4. – Leiden : E. J. Brill, 1995. – P. 994–997.
10. Крачковский И. Ю. *Комментарии* / И. Ю. Крачковский // *Коран* / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, 1990. – С. 598.
- Krachkovskij I. Ju. *Kommentarii* / I. Ju. Krachkovskij // *Koran* / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – S. 598.
11. Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь* / Х. К. Баранов. – М. : Рус. яз., 1985. – С. 574.
- Varanov H. K. *Arabsko-russkij slovar* / H. K. Varanov. – M. : Rus. jaz., 1985. – S. 574.
12. *Коран. Перевод смыслов* / Пер. с араб. Э. Р. Кулиева. – М. : Умма, 2012. – 1168 с.
- Koran. *Perevod smyslov* / Per. s arab. Je. R. Kulieva. – M. : Umma, 2012. – 1168 s.
13. *Коран* / пер. с араб. Г. С. Саблукова. – Казань : Центральная типография, 1907. – 1169 с.
- Koran / per. s arab. G. S. Sablukova. – Kazan' : Central'naja tipografija, 1907. – 1169 s.
14. Ефремова Н. В. *Жизнь пророка Мухаммада* / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. – М. : Ладомир, 2009. – 1062 с.
- Efremova N. V. *Zhizn' proroka Muhammada* / N. V. Efremova, T. K. Ibragim. – M. : Ladomir, 2009. – 1062 s.
15. *Муслим. Сахих* : Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2011. – 1216 с.
- Muslim. *Sahih* : *Kratкое izlozhenie, sostavlennoe imamom al'-Munziri* / per. s arab. V. A. Nirsha. – M. : Umma, 2011. – 1216 s.
16. *ал-Бухари. Сахих* / пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2005. – 959 с.
- al-Buhari. *Sahih* / per. s arab. V. A. Nirsha. – M. : Umma, 2005. – 959 s.
17. Керимов М. Г. *Шариат. Закон жизни мусульман* / М. Г. Керимов. – М. : Ленон, 1999. – 304 с.
- Kerimov M. G. *Shariat. Zakon zhizni musul'man* / M. G. Kerimov. – M. : Lenon, 1999. – 304 s.
18. *Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам)* / пер. с араб., пред. и прим. В. В. Полосина ; отв. ред. П. А. Грязневич. – М. : Наука, ГРВЛ, 1984. – 64 с.
- Hisham ibn Muhammad al-Kalbi. *Kniga ob idolah (Kitab al-asnam)* / per. s arab., pred. i prim. V. V. Polosina ; otv. red. P. A. Grjaznevich. – M. : «Nauka», GRVL, 1984. – 64 s.
19. *аш-Шахрастани Мухаммад б. Абд ал-Карим. Верования арабов во времена ал-джахилии* / пер. с араб. С. М. Прозорова // *Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Т. II*. – М. : Наука ; Вост. лит., 2016. – С. 50–78.
- ash-Shahrastani Muhammad b. Abd al-Karim. *Verovanija arabov vo vremena al-dzhahilii* / per. s arab. S. M. Prozorova // *Prozorov S. M. Islam kak ideologicheskaja sistema. T. II*. – M. : Nauka ; Vost. lit., 2016. – S. 50–78.
20. *Прозоров С. М. Примечания* / С. М. Прозоров // *аш-Шахрастани Мухаммад б. Абд ал-Карим. Верования арабов во времена ал-джахилии* / пер. с араб. С. М. Прозорова / В кн. : *Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Т. II*. – М. : Наука ; Вост. лит., 2016. – С. 50–78.
- Prozorov S. M. *Primechanija* / S. M. Prozorov // *ash-Shahrastani Muhammad b. Abd al-Karim. Verovanija arabov vo vremena al-dzhahilii* / per. s arab. S. M. Prozorova / V kn. : *Prozorov S. M. Islam kak ideologicheskaja sistema. T. II*. – M. : Nauka ; Vost. lit., 2016. – S. 50–78.
21. *Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж* / пер. А. Э. Шмидта. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. – XXXIII + 415 с.
- Abu Jusuf Jakub b. Ibrahim al-Kufi. *Kitab al-Haradz* / per. A. Je. Shmidta. – SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. – XXXIII + 415 s.
22. *Бухарин М. Д. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи* / М. Д. Бухарин. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. – 375 с.
- Buharin M. D. *Aravija, Vostochnaja Afrika i Sredizemnomor'e: torgovye i istoriko-kul'turnye svjazi* / M. D. Buharin. – M. : Izdat. firma «Vostochnaja literature» RAN, 2009. – 375 s.
23. *Сенченко И. П. Арабы Аравии. Очерки по истории, этнографии и культуре* / И. П. Сенченко. – СПб. : Алетейя, 2015. – 384 с.
- Senchenko I. P. *Araby Aravii. Oчерki po istorii, jetnografii i kul'ture* / I. P. Senchenko. – SPb. : Aletejja, 2015. – 384 s.

Spivak I. A. On the prohibition of drinking wine in Islam / I. A. Spivak // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 101–112.

The prohibition of alcohol consumption, imposed in the Muslim community after the Hegira, became a kind of marker, signifying the ritual distance between Islam and other religious communities. In world historiography there were different views on the reasons for introducing the ban. This article attempts to analyze them, it is concluded that not only grape wine itself was acted as the object of the prohibition for members of the Muslim community, but the intoxication. The Prohibition in the text of the Quran is associated not with the ritual demarcation between representatives of the Abrahamic faith traditions, but between Muslims and pagan Arabs. Probably to the IX century the relevance of ritual distancing of Muslims from the Arabian pagans was exhausted. By this time objective evidence of the superiority of Islam over Christianity and Judaism was in the first place for the intellectual elite of the Muslim community. In the final edition of the «Biography of the Prophet» by Ibn Hisham the Prohibition for Muslims is presented as choosing the right path made by Muhammad, emphasizing the superiority of Islam over the Christian communities and Jews.

Keywords: wine, prohibition, Islam, Judaism, Quran, Muhammad, intoxication, tradition, Christianity.